

УДК 821.112.2.09.16'-1+821.411.16'02.09-141

DOI: 10.17223/19986645/60/13

Г.В. Синило

КНИГА ПСАЛМОВ КАК АРХТЕКСТ ПОЭЗИИ КВИРИНУСА КУЛЬМАНА

Исследуется роль Книги псалмов как архтекста в творчестве немецкого мыслителя-мистика, визионера, поэта эпохи барокко Квиринаса Кульмана. Установлено, что эта роль чрезвычайно значима в главном произведении поэта – «Псалтири Кульмана» («Kühlpсалтер»), где автор дерзко соревнуется с Давидом Псалмопевцем, «давидизирует» (davidisiert), подчиняя жанр библейского псалма выражению своей концепции «иезуэлизма», обращаясь к эксперименту и предвзято поиски поэтов модернизма (особенно экспрессионизма) и постмодернизма.

Ключевые слова: архтекст, «текст-код», Книга псалмов, немецкая мистическая поэзия XVII в., барокко, Квиринос Кульман, архтекстуальность, интертекстуальность, архитекст.

Одной из актуальных проблем современного литературоведения является проблема взаимодействия художественной литературы и Библии, своеобразного библейского «кода», пронизывающего европейскую (и, шире, мировую) литературу, без «декодирования» которого эта литература не вполне открывает читателю свои смыслы. Об этом пишут как литературоведы (например, С.С. Аверинцев [1, 2], Н. Фрай [3]), так и богословы (см.: А. Мень [4]). Не случайно в изданном не столь давно коллективном труде немецких литературоведов и культурологов «Книга в книгах: взаимодействия Библии и литературы» («Das Buch in den Büchern: Wechselwirkungen von Bibel und Literatur», 2012) под редакцией А. Полашегга и Д. Вайднера отмечается: «Интерес к Библии растет. Соотношение библейского и литературного текста становится одним из наиболее сложных исследовательских полей литературоведения и культурологии» [5. С. 3]. Солидаризуясь с этим мнением, отметим, что Библия сама является литературным текстом, хотя ее роль не может быть сведена только к этому. Как отмечает Нортроп Фрай (N. Frey), канадский филолог, один из крупнейших литературных теоретиков современности, основоположник «архетипической критики», автор книги «Великий код. Библия и литература» («The Great Code. The Bible and Literature»¹, 1982), «...ни одна книга, имеющая столь неординарное литературное воздействие, не может сама не обладать литературными достоинствами. Но столь же очевидно и то, что Библия – это нечто “боль-

¹ Некогда У. Блейк, творчество которого исследовал Н. Фрай, назвал Библию «Великим кодом искусства». По признанию ученого, он воспользовался этим определением в названии своей книги [3. С. 182].

шее», чем литературное произведение...» [3. С. 182]. Тем не менее подход к библейскому слову как художественному, основанный когда-то И.Г. Гаманом, И.Г. Гердером, И.В. Гёте, является ныне общепризнанным и среди библеистов (см.: [6]). Библия, сформировавшаяся в лоне древнееврейской культуры и вобравшая в себя исторический, духовный и эстетический опыт древнего народа на протяжении двух тысячелетий до новой эры, обрела статус Священного Писания как в еврейской, так и в христианской традиции (*Biblia Hebraica* 'Еврейская Библия', или Танах, стала Ветхим Заветом христианской Библии). Однако, как справедливо отметил С.С. Аверинцев, «это отнюдь не помешало войти в канон произведениям светских жанров – исторической хронике, скептической афористике житейского опыта, любовно-свадебной песне и т.д. Канон оказался построенным как маленькая литературная “вселенная”, включающая самые разные тексты – однако в прямом или косвенном, изначальном или вторичном соотношении с религиозной идеей» [1. С. 271].

Несомненно, Библию можно считать «осевым» архетекстом европейской культуры и – шире – всего иудейско-христианского культурного ареала. Великая книга, не случайно именуемая Книгой книг, играла и играет эту роль не только в религиозном дискурсе, но и в этике, философии, художественной культуре и прежде всего в литературе. Под архетекстом мы понимаем древний текст («текст-в-начале»), обладающий повышенной аксиологической значимостью, высокой степенью референтности, реинтерпретируемости, цитируемости, являющийся важным источником интертекстуальности и выполняющий смысло- и текстопорождающую функцию. Мы полагаем, что к той системе интертекстуальных связей, которая наиболее четко описана Ж. Женеттом (см.: [7]), необходимо добавить архетекстуальность как связь произведения с древним текстом, обуславливающим все типы межтекстовых отношений. Под «осевым» архетекстом мы понимаем архетекст, являющийся своего рода «осью», вокруг которой вращается та или иная культурная и литературная «вселенная», выполняющий важнейшую для широкого культурного ареала функцию смыслополагания и текстопорождения. Таким текстом для европейской культуры уже две тысячи лет является Библия, в которой запечатлены не менее древние и не менее значимые, чем в эллинских и римских текстах, образцы поэзии (см. подробнее [8]). Как справедливо заметил С. С. Аверинцев, «для ряда эпох европейской культуры... библейская поэзия стала коррективом и дополнением к античному идеалу красоты и уравновешенной меры» [9. С. 189]. Уточним, что это в первую очередь касается кризисных, так называемых переходных эпох европейской культуры, наиболее остро ощущающих разрыв с традицией, таких как XVII в. (особенно барокко), романтизм, декаданс, модернизм.

Одной из самых востребованных и цитируемых библейских книг как в религиозной, так и в светской культуре иудейско-христианского ареала является Книга псалмов, или Псалтирь, в оригинале (на иврите), именуую-

щаяся Книгой хвалений (*Сэфер Теѓиллим*)¹. Псалтирь получила совершенно особый статус в культуре христианского мира, во многом определив христианский дискурс, войдя в качестве самой читаемой (помимо Евангелий) библейской книги практически в каждый дом. Наряду с Евангелиями Псалтирь стала для христианского мира главным учебником жизни и нравственности, подлинной веры и ее выражения в слове, фундаментом христианской молитвы и литургии. Псалмы комментировали Иоанн Златоуст, Амвросий Медиоланский, Августин Блаженный и другие Отцы Церкви. На Руси человек, изучивший Псалтирь, считался человеком книжным, т.е. способным читать любую книгу. Псалтирь была настольной книгой, которую читали в свободное время. Ее брали с собой в дорогу: именно поэтому восточнославянский (белорусский) первопечатник и переводчик Франциск Скорина изданную им в 1522 г. в Вильне «следованную» Псалтирь (соединенную с Часословом – сборником молитв и псалмов в порядке богослужения) назвал «подорожной книжицей». Показательно, что Псалтирь стала первой книгой, изданной Ф. Скориной в Праге в 1517 г. и открывшей его семнадцатитомную Библию, адресованную «людям посполитым (т.е. светским. – Г.С.) к доброму поучению». Во многих странах Псалтирь стала первой печатной книгой на национальном языке.

Книга псалмов является антологией древнееврейской религиозно-философской лирики (и в этом плане представляет в библейском каноне лирику в наиболее «чистом» виде). При самом первом знакомстве с ней поражает несоответствие между ее названием в оригинале и ее сутью: собственно хвалений, т.е. гимнов, славословий Богу, в ней не так уж много. Гораздо больше призывов о помощи, просьб укрепить дух, излиятий и жалоб сердца, обращенных к Богу, воспринимаемому как личность, как Бог Живой, кровно заинтересованный в человеке. Одно из величайших откры-

¹ Слова «псалом» и «Псалтирь» не имеют к ивриту никакого отношения: это следы эллинизма, внесенные еврейскими переводчиками в Александрии, создателями Септуагинты. Греческое слово *ψάλμος* (*psālmos*; отсюда – *Ψάλμος* в Септуагинте, латинское *psalmus*, немецкое и английское *psalm*, французское *psaume*, русское *псалом*) буквально означает «бряцание по струнам», «игра на струнном инструменте». Применительно к библейской книге оно означает музыкально-поэтическое произведение, требующее сопровождения на каком-либо струнном инструменте. Отсюда название книги в корпусе Септуагинты – *Ψαλμοί* (*Psalmoi*) – псалмы, а вслед за ней в Вульгате – *Psalmi* (псалмы), а также *Liber Psalmorum* (Книга псалмов); далее – *Psalms* в английской Королевской Библии и в современной английской версии; *Psaumes* во французской Библии. Слово *Ψαλτήριον* (*Psalterion*; отсюда – рус. *Псалтирь* и все слова с этим же корнем в других европейских языках: лат. *Psalterium*, нем. *Der Psalter*, древнерус. *Псалтырь*) впервые появляется у выдающегося еврейско-эллинистического ученого, филолога и философа, главы иудейской общины Александрии Филона Александрийского (ок. 25 г. до н. э. – 50 г. н. э.) и означает некий музыкальный инструмент, похожий на арфу или большие гусли; этому инструменту и уподобляется вся Книга псалмов. Однако в иудейском каноне сборник носит название תהילים <*Teѓиллим*> – Хваления (от תהלה <*теѓилла*> – «слава», «хвала»), или *Сэфер Теѓиллим* – Книга хвалений. Слово же «псалом» обычно используется для передачи ивритского מִזְמוֹר <*мизмор*> – «песнь».

тий Книги хвалений в сравнении с гимнами богам в других культурах заключается именно в личностном общении человека с Богом. Как справедливо заметил С.С. Аверинцев, «Бог из космической силы становится здесь прежде всего поверенным человеческих страданий и надежд» [2. С. 288]. Книга Псалмов воспринимается как вечный, нескончаемый диалог человеческой души с Богом (диалог между Я и Вечным Ты, согласно терминологии М. Бубера), и в этом залог ее непреходящей духовной ценности. Последнее же неотделимо от ее художественной ценности: псалмы представляют собой шедевры лирической поэзии, притом поэзии высокопрофессиональной, авторской. Для поэтики Книги псалмов характерны повышенная эмоциональность, экспрессивность в выражении чувств (горя, страдания, радости), особая проникновенность интонации, использование сложной метафорики и сугубо литературных (книжных) форм организации стиха (например, довольно часто используется алфавитный акростих; о поэтике Псалтири см. подробнее: [10]).

Если Библия в целом выступила как «осевой» архетекст европейской культуры, то Книга псалмов стала генеральным архетекстом духовной и религиозно-философской поэзии (особенно Средневековья и раннего Нового времени). Одновременно Псалтирь выполняет функцию архитекта¹, обуславливающего жанрово-стилевые поиски европейской поэзии, а во многих национальных литературах – становление литургической и религиозно-философской поэзии на национальном языке. Это особенно очевидно в немецкой культуре, где впервые был выполнен полный перевод Библии на живой европейский язык (до этого все переводы выполнялись с греческого и латыни – с Септуагинты и Вульгаты).

Знаменитая Библия Лютера (*Lutherbibel*) была опубликована в 1534 г. (вторая редакция – *Bibel Deutsch* – в 1545 г.) и стала самой читаемой и издаваемой немецкой книгой, заложившей фундамент немецкого литературного языка и оказавшей сильное влияние на переводы Библии на другие национальные языки с оригинала. В Библии Лютера впервые были представлены образцы прозы и религиозно-философской поэзии на немецком языке. Показательно, что именно с Псалтири Лютер начал свою работу над переводом с оригинала всего Ветхого Завета. Это была та книга, которая больше всего притягивала к себе сердце «виттенбергского соловья», как назвал Лютера Ганс Сакс. Еще в 1517 г. Лютер издал на немецком языке ряд Псалмов, обнаружив в этих переводах незаурядное языковое мастерство. Затем в 1524 г. он выпустил отдельное издание Псалтири. Переводы псалмов, выполненные М. Лютером, отличаются высокими поэтическими качествами – при стремлении максимально приблизиться к смыслу оригинала и сохранить очень важные семантические и синтаксические параллелизмы.

¹ Согласно Ж. Женетту (см.: [7]), архитекстуальность – это жанровая связь текстов; архитект – текст, который является жанровым прототипом и образцом (например, поэмы Гомера и Вергилия для европейского литературного эпоса, ода Пиндара – для пиндарической оды, ода Анакреонта – для анакреонтической оды и т.п.).

М. Лютер заложил также в европейской литературе Нового времени традицию переложения псалмов (или подражания псалмам). Переложение не является переводом – ни в строгом, ни в нестрогом смысле этого слова. Отталкиваясь от мыслей, образов, стилистики того или иного библейского Псалма, поэт дает свободу своему воображению, создает вольную вариацию на тему Псалма, придавая своему произведению неповторимое своеобразие, специфическую форму, свойственную данной национальной поэтической традиции и своей собственной манере. Переложения Лютера отличаются высокими поэтическими качествами. Не случайно доньяне лютеране поют его гимны и хоралы, ставшие народными песнями и положенные на музыку многими великими композиторами. До сих пор лютеровское переложение псалма 46/45 «Ein feste burg ist vnser Gott...» («Прочная крепость [твердыня] – наш Бог...») является самым знаменитым лютеранским хоралом.

М. Лютер дал импульс дальнейшему развитию немецкой поэзии, подлинное рождение которой происходит в трагическом XVII в., в эпоху Тридцатилетней войны (1618–1648), ставшей страшной национальной катастрофой для немцев. Однако именно в это время немецкие поэты упорно вели борьбу за национальный язык и поэзию на этом языке. Первым многочисленными переложениями псалмов создал великий реформатор немецкой поэзии Мартин Опиц. Вслед за ним к псалмам обращаются Пауль Флеминг, Иоганн Рист, Симон Дах, Пауль Герхардт, Андреас Генрих Бухольц, Кристиан Гофман фон Гофмансвальдау, Квиринос Кульман и многие другие. Практически не было ни одного более или менее крупного поэта, который не входил бы в образ Давида Псалмопевца, изливая свое религиозное чувство и размышляя о проблемах вечных и одновременно касающихся своего времени, судьбы народа и собственного внутреннего мира. Особенно новаторские, экспериментальные переложения псалмов создал самый крупный поэт немецкого барокко – Андреас Грифиус.

Однако еще более дерзко, чем Грифиус, экспериментировал с псалмами поэт-мистик, религиозный мыслитель и проповедник Квиринос Кульман (Quirinus Kuhlmann, 1651–1689), создавший собственную Псалтирь, включающую 150 авторских псалмов. Творчество К. Кульмана давно привлекло к себе внимание читателей и исследователей XX и начала XXI в.: переизданы основные сочинения поэта [11–13], ему посвящены диссертации (K. Eschrich, 1929 [14], R. Flechsig, 1952 [15], H. Erk, 1953 [16], H. Müsle, 1953 [17], E.M. Kabisch, 1970 [18], K.K.E. Neuendorf, 1970 [19], B. Biehl-Werner, 1973 [20], J.P. Clark, 1986 [21], R. Schmittem, 2004 [22], E. Kuzmin, 2009 [23]), монографии (C.V. Böck, 1957 [24], W. Dietze, 1963 [25], G. Köpf, 1995 [26], E. Kuzmin, 2013 [27]), большое количество статей¹. В немецко-

¹ В связи с невозможностью в рамках одной статьи обозреть все статьи, посвященные К. Кульману, укажем в алфавитном порядке лишь наиболее значимые из них: T. Althaus [28], R. L. Beare [29–31], C. V. Böck [32], J. P. Clark [33, 34], W. Dietze [35], L. W. Forster [36], S. Rusterholz [37], W. Schmidt-Biggemann [38], W. Vortriede [39], C. Wiedemann [40].

язычном и англоязычном (преимущественно американском и израильском) литературоведении достаточно полно изучены различные аспекты творчества К. Кульмана: его религиозно-философские и социально-политические взгляды, его особый экстатический язык, включающий многочисленные элементы словотворчества, воздействие на него взглядов Я. Бёме и мистики Каббалы, каббалистическая и алхимическая символика в его поэзии. Однако в гораздо меньшей степени исследован диалог поэта с наиболее значимыми для него библейскими архетекстами – с Песнью песней и Книгой псалмов. Проблема значимости библейского контекста и библейской интертекстуальности для творчества Кульмана поставлена лишь в диссертации Р. Шмиттема (R. Schmittem, 2004 [22]).

В российском, советском и постсоветском литературоведении наследие К. Кульмана практически не изучено. Некогда первую работу о нем опубликовал в 1867 г. в «Русском вестнике» ректор Московского университета Н.С. Тихонравов [41], ведь трагическая судьба мыслителя-мистика и поэта оказалась тесно связанной с Россией. Эта работа была позднее перепечатана в Собрании сочинений Н.С. Тихонравова [41], а также переведена на немецкий язык и издана в Риге отдельной книгой под названием «Квиринус Кульман (сожжен в Москве 4 октября 1689 г.): культурно-историческое исследование» («Quirinus Kuhlmann (verbrannt in Moskau den 4. October 1689): Eine kulturhistorische Studie», 1873) [42]. Затем последовал очень долгий перерыв, в том числе связанный с идеологическими запретами. В 1963 г. к наследию Кульмана, его связям с движением Чешских братьев обратился будущий академик РАН А.М. Панченко [43]. Свое «законное» место в академической «Истории всемирной литературы» Кульман обрел только в 1980-е гг., в томе, посвященном литературе XVII в., благодаря главе о немецкой литературе, написанной выдающимся российским германистом Б.И. Пуришевым. Однако немецкому мистiku в этом очерке посвящено всего несколько, хотя и ярких, страниц [44. С. 251–252]. Таким образом, исследование библейской архетекстуальности в творчестве К. Кульмана, особенно связанной с Псалтирью, представляется весьма актуальным.

К. Кульман был человеком необычного склада – визионером, чем-то напоминавшим Якоба Бёме, учение которого оказало на него сильное влияние. Будущий поэт, религиозный мыслитель и проповедник родился в центре Силезии – в Бреслау (Бреславль, нынешний Вроцлав), в богатой купеческой семье. В университетах Эрфурта, Йены и Лейпцига Кульман изучал юриспруденцию, но карьере юриста помешало его увлечение мистической философией Бёме, которому он посвятил книгу «Новоодухотворенный [Воскрешенный] Бёме» («Der neubegeisterte Böhme», 1674) [13]. Вероятно, Кульман полагал, что в нем возродилась душа великого мистика.

Под воздействием Бёме складывается собственная панентеистическая концепция Кульмана, основанная на идее всеприсутствия Бога в мире: мир пребывает в Боге, а Бог – в мире, обеспечивая единство мирового целого. Но грехи людей, и в первую очередь сильных мира сего и духовных пас-

тырей, не соответствующих христианскому идеалу, привели к деструкции мира, к затмению Бога и образа Божьего в мире и в человеке, к воцарению антихриста. Католическую церковь Кульман именует «головой антихриста», а лютеран и реформатов (кальвинистов) – «антихристовыми волками, медведями и львами» («Воскрешенный Бёме»). Его возмущают межконфессиональная рознь, страдания людей под гнетом деспотизма. Кульман разделяет взгляды хилиастов, мечтающих о тысячелетнем Царстве Божьем на земле (в этом плане важным архетекстом для него оказывается новозаветный Апокалипсис, или Откровение Иоанна Богослова, в котором впервые изложены эти взгляды). В его воображении возникают картины обновленного мира, в котором нет барьеров, разделяющих людей, нет государств и церквей, но есть единая религия – *иезуэлизм* (слово, образованное от созданного Кульманом имени *Иезуэль 'Иисус-Бог'*, в котором объединены имя Иисуса – *Jesu* – и древнейшее именование Бога в Библии – *El*), основанная на подчинении только Богу и выполнении Его заповедей. Это мир, живущий по законам теократии – подлинного Боговластия, населенный праведниками, «без каких бы то ни было грехов, без шаек и сект, без войн и раздоров, без нужды и хлопот, болезней и горя, и будут жить люди так, как некогда жили в раю до грехопадения Адама» («Воскрешенный Бёме»; цит. по: [44. С. 251]).

Свое представление о новом идеальном мире Кульман также излагает в утопии «О монархии Иезуэлитской» (1682). Иезуэлитская монархия есть Царство Божье на земле, в котором царем является Иезуэль – Бог Иисус. Она является «пятым царством», которое должно прийти на смену четырем нечестивым державам, символически описанным в видениях пророка Данииля (*Дан 7:1–26*), а затем в Откровении Иоанна Богослова (*Откр 13, 17*). В библейских книгах царство, кладущее конец «звериной» силе и гнету нечестивых царств, названо «царством Всевышнего», «царством вечным»: «Царство же и власть и величие царственное во всей поднебесной дано будет народу святых Всевышнего, которого царство – царство вечное, и все властители будут служить и повиноваться Ему» (*Дан 7:27*); «...царство мира соделалось *Царством* Господа нашего и Христа Его, и будет царствовать во веки веков» (*Откр 11:15*; *Синод. перевод*). В «монархии Иезуэлитской» Кульман детально представляет это Царство, в чем-то весьма напоминающее республику: здесь есть парламент, в котором представлены все сословия, здесь развиты образование, доступное всем, и наука, здесь царят социальная справедливость и свобода совести. Этим идеалам соответствует обновленная Христианская церковь, осуществляющая на деле заветы «Вечного Евангелия». Кульман полагает, что в иезуэлитской религии – преображенном в духе евангельских идеалов христианстве – сольются все существующие конфессии – христианство, иудаизм, ислам, и тогда прекратится всякая вражда, человечество вновь станет тем прекрасным целым, каким задумал его Господь.

Живший, как и Бёме, в предельном напряжении сил, переживавший особые мистические озарения, во время которых ему являлись видения

(первое из них – видение покровительствующего ему ангела – явилось ему в восемнадцатилетнем возрасте после тяжелой болезни), Кульман вскоре уверовал в свое особое предназначение: нужно проповедовать открывшееся ему знание, готовить сознание людей к осуществлению «истинной Реформации» (в требовании ее он продолжал традицию немецких мистиков И. Арндта, И. В. Андреэ и все того же Я. Бёме). Считая себя в духовном плане «сыном Сына Божьего» или предтечей Мессии, Кульман вел жизнь странствующего проповедника, провозглашая скорый приход Христа и необходимость преобразования мира по законам иезуэлитской веры. Согласно пророкам Мессия должен прийти на Святую Землю, на Маличную гору в Иерусалиме, поэтому в 1678 г., после бывшего ему видения, Кульман отправился в Константинополь, или, как он его называл, «город коронования Константина» (*Constantinens Krönungsstadt*) [12. Bd. 1. S. 32], – в Стамбул к турецкому султану, во владениях которого находилась Палестина, чтобы обратить его в свою веру. Это едва не кончилось плачевно: Кульман подвергся преследованиям и бежал из Стамбула. Узнав, что в Немецкой слободе в Москве есть последователи учения Бёме, в 1689 г. он предпринял туда миссионерскую поездку. Местный пастор донес на Кульмана православному патриарху, в результате чего проповедник и поэт был арестован и сожжен живьем на берегу Москвы-реки как опасный ересиарх и смутьян (см.: [36, 41, 42]).

Все свое поэтическое творчество К. Кульман подчинил выражению своих идей. Так, в духовном гимне «Очертанье примет плоть» из сборника «Пятнадцать песен» (1673) поэт провозглашает грядущее единство рода человеческого. Опираясь на концепции (догматы) триединства Бога и Боговоплощения, он говорит от имени Бога и от имени Иисуса, воплощенного Слова Божьего, однако начинает с того, что в нем самом, в его душе родился Сын Божий, и это должно произойти с каждым человеком, чтобы мир мог прийти к своему идеальному состоянию:

И очертанье да воспримет плоть!
 В один народ сольются все народы.
 В своем единстве триедин Господь.
 В зерне сокрыты триединства всходы.
 Во мне самом воссоздан Сын Господень,
 Пусть и у вас, в сердечной глубине,
 Он вызреет, прекрасен и свободен.
 Вы Господа обряцете во мне.
 Не тысячу дробить на единицы,
 А в тысяче им воссоединиться!

Единой силой четырех ветров
 Единозвучье держится земное,
 В неисчислимом множестве миров –
 Чертеж еще несозданного мною.
 Мой разум размышленьем поглощен.

Смысл величайших истин мне открылся.
В дыхание Сына Дух Мой воплощен,
Мной выплеснут, в любви он растворился.
И означало это вознесенье
Людского рода Вечное Спасенье.
(Перевод Л. Гинзбурга) [45. С. 173]

Иисус предстает как «новый Адам», призывающий человечество к преображению и ведущий его к изначальному гармоничному состоянию Эдема. В финале поэт вновь говорит от имени Отца и Сына, но при этом дерзко вписывает и себя в контекст гимна как «сына Сына Божьего», призванного возвещать Его учение:

Обожествленный, днесь являюсь к вам.
Я – Господа вернейшее зеркало.
Я – как перед падением Адам:
В нем первое прозрение мерцало!
Что света свет, светильник светел мой.
И высшему добру во угожденье,
Мой Сын, вступив в единоборство с тьмой,
Рождает свет, сам света порожденье.
И, светоносным наделенный даром,
Он огненным, отцовским пышет жаром.

Как знать, когда утратили Меня
Народы, распыленные Адамом?
Но вас, от распыления храня,
К Себе зову и к общности тем самым.
О вас печалюсь, Мы явились с Сыном
Проклятье, что на вас, перебороть.
Да станет человечество единым!
И очертанье да воспримет плоть!
И в этом мы дотоле не смиримся,
Пока во всех сердцах не воцаримся! [45. С. 174]

Главным произведением К. Кульмана стал его большой сборник в двух томах, изданный в Амстердаме (в Германии это было невозможно) в 1684–1686 гг. под названием «Kühlpsalter», в котором заключена скрытая игра: его можно понять и как «Псалтирь Кульмана», и как «Псалтирь охлаждающая» – охлаждающая от адского пламени, ведь мир, согласно Я. Бёме, «уже стоит посреди ада». Поэт хочет сказать, что каждый, кто погрузился в его «Псалтирь», кто принял его учение, уже находится на пути к спасению.

Само название сборника устанавливает его связь с генеральным архетекстом – библейской Книгой псалмов. Таким образом, эта связь задана паратекстуально, потому что прямого соотнесения с какими-либо псалмами в сборнике Кульмана нет, несмотря на именование каждого стихотворения псалмом с определенным номером (их 150, как и в библейской

Псалтири, хотя в названии первых десяти использовано слово «песнь», или «песнопение», – *Gesang*). «Псалтирь Кульмана», в сущности, не переложение, не парафраз, но абсолютно свободное поэтическое творчество в духе псалмов, вдохновленное примером Давида Псалмопевца. Не случайно поэт называет это изобретенным им словом *Davidisiren* («давидизирование»), произведенным от имени Давида и, вероятно, означающим вхождение в образ Давида, переживание состояния великого Псалмопевца, творчество, инспирированное Небом. Так, в надзаголовке первого песнопения («Der 1. Gesang») Кульман поясняет, когда и в какой ситуации это было написано, говоря о себе в третьем лице:

Als er zum Davidisiren unter geistlicher Anfechtung getrieben ward in Jehna, dahin er von Breslau den 20 Septemb. 1670 ausreisend, 15 Monden nach seinem Erleuchtungsmay 1669, über Lignitz, Buntzlau, Görlitz, Leipzig, Lützeu, Naumburg im October ankommen [11. Bd. 1. S. 4].

(Когда он к давидизированию как к духовному испытанию был призван в Йене, куда он после отъезда из Бреслау 20 сентября 1670 г., через 15 месяцев после своего просветления в мае 1669 г., прибыл в октябре через Лигниц, Бунцлау, Гёрлиц, Лютцен, Наумбург.¹)

Этот надзаголовок красноречиво свидетельствует, что Кульман воспринимал свое творчество как следствие того откровения, которое он пережил в восемнадцать лет и которое кардинально преобразило его жизнь, как вмешательство в его судьбу небесных сил, как исполнение предначертанной высокой миссии. Именно поэтому он ощущает в себе Псалмопевца Давида, вновь явившегося в мир и создающего некую новую Псалтирь, призывающую к любви к Богу, к Его Мессии и воплощенному Слову – Иисусу, к преображению и единению. Первый псалом, имеющий форму стансов из семи строф (сакральное число не случайно; магия священных чисел увлекала Кульмана и отразилась в его «Псалтири»), представляет собой страстное объяснение в любви к Иисусу, и здесь органично соединяется топика псалмов, когда поэт говорит о своей и каждого греховности, топика Евангелий и Песни песней:

1.
Libhold ging unlängst spatziren
Um zukleinern seinen schmerz:
Trauren wolte ihn berühren,
Hoch verwundet ward sein Hertz.
Ach wär ich aus Sünd und Erden!
Sang der seufftzervoller Mund:
Mus ich dann verschlungen werden
Von dem grausen Abgrundschlund?

¹ Здесь и далее подстрочный перевод наш. – Г.С.

2.

Seit mein Jesus weggeschiden,
 Seit schid aller Segen hin.
 Unruh kisset mich vor Friden:
 Seelenschade stat Gewin.
 Löse, Jesus, meine Banden,
 Drein ich selber mich vernetzt!
 Wo nicht Hülfe mir verhanden,
 Leb ich ewiglich verletzt.

3.

Seelenlibster! las mich lodern,
 Wi zuvor, in Himmelsglutt!
 Las mich deine Libe fodern!
 Ach durchhitze Blut und Mutt!
 Nach dem Himmel geht mein schwingen,
 Leihe Flügel, Jesus, doch!
 Las mich Wolkenhöher dringen!
 Ach entjoche mir mein Joch!

4.

Komme, Jesus, mich zustärken,
 Weg, verdammtes Erdhyän!
 Weiche mit den Blendniswerkken,
 Angeschminkte Weltsyren!
 Ehe wird di Sonn erblassen,
 Und ihr Feuer bringen Eis,
 Als ich werde Jesum lassen,
 Um zugeben dir den Preis. [12. Bd. 1. S. 4–5]

Отсылка к псалмам в этом тексте присутствует лишь на уровне общей интонации, экстатического подъема, присущего немногочисленным Хвалениям в чистом виде, и отдельных знаковых слов и выражений – таких как «полный вздохом рот» (*der seufftzervoller Mund*), «ужасная бездна», могущая поглотить человека (*Mus ich dann verschlungen warden / Von dem grausen Abgrundschlund?*). Топику Песни песней также вводят отдельные знаковые слова, являющиеся сгустками смыслов, несущими в себе память о претексте и его мистическом толковании. Это прежде всего слова «любовь», «поцелуи», «целовать», «возлюбленный души» (*Seelenlibster*) и далее, в шестой строфе – «стрелы любви» (*Libespfeile*), в седьмой – «сотовый мед» (*Honigseim*). В седьмой, финальной, строфе вновь возникает концепт «давидизирование», «давидизировать» (*Davidisiren*), что указывает на особое творческое состояние души. Поэт говорит о себе, о предназначении своей поэзии и дерзко заявляет, что не только Давид, но и Сам Иисус вдохновляет его, руководит им:

Sein Gemütt Davidisirte:
 Was er sagte, ward ein Reim.

Jesus war, der ihn regirte:
 Gottes Lob ward Honigseim.
 Wo das Gotteslob erklinget,
 Lebet alles Gott verzückt:
 Wann di Verskunst Gott besinget,
 Wird si göttlich angeblikkt. [12. Bd. 1. S. 6]

(Его душа давидизировала: / Что он сказал, становилось стихом. / Иисус был тем, кто им руководил: / Хвала Богу становилась сотовым медом. / Где зазвучит хвала Богу, / Все живет, охваченное восторгом перед Богом, / Когда поэзия [искусство стиха] воспеваает Бога, / Она становится божественной.)

Песнопение Кульмана отсылает еще к одному значимому претексту – немецкой духовной песне, давшей ко времени появления его «Псалтири» весомые плоды. Об этом свидетельствуют и достаточно ясный язык, простой синтаксис (чаще всего у Кульмана они сложны, герметичны), и бодряя песенная ритмическая структура: восьмистишные строфы написаны четырехстопным хореем, все более связывающимся в немецкой поэзии с мотивом пути. Такие же звонкие песенные конструкции, дополненные игрой созвучий, аллитерациями и ассонансами, звучат в «Третьем песнопении» («Der 3. Gesang»), где поэт прибегает к словотворчеству, повторяя нужное ему слово-лейтмотив и составляя новые слова из этих повторов. Так, в третьей строфе трижды повторяется в качестве анафоры в каждой нечетной строке слово *heiligheiligheilig* («святосвятосвято» или «святсвятсвят»), отсылающее к знаменитому месту в Книге Пророка Исаии, где ангелы трижды провозглашают святость Бога: «И зывали они друг к другу, и говорили: свят, свят, свят Господь Саваоф! Вся земля полна славы Его!» (Ис 6:3). При этом Кульман обыгрывает тот факт, что по-немецки *heilig* и прилагательное («святой»), и наречие («свято»):

Heiligheiligheilig singen
 Ist im Himmel sonder zil:
 Heiligheiligheilig klingen
 Ist ein stetes Engelspil:
 Heiligheiligheilig loben
 Ist das schönste thun dort oben. [12. Bd. 1. S. 8.]

(Святсвятсвят [святосвятосвято] петь – / Это на небе особая цель: / Святсвятсвят [святосвятосвято] звенеть [звучать] – / Это постоянная ангелов игра: / Святсвятсвят [святосвятосвято] хвалить – / Это прекраснейшее дело там, наверху.)

Однако псалмы Кульмана написаны самыми разнообразными ритмами: он использовал различные силлабо-тонические размеры, в том числе и сочетая строки различной длины, использовал белый стих и даже сделал первые шаги к свободному стиху – верлибру, который ритмически наибо-

лее приближается к библейскому неравнострочному тоническому стиху. Например, в «Песнопении 8» («Der 8. Gesang») поэт использует шестистопный ямб, своей уравновешенностью и симметричностью соответствующий медитативному настроению, являющийся заменой героического александрийского стиха и потому подходящий возвышенному настрою оды. Особые же эмоциональность и экзатичность, свойственные стилю Кульмана, достигаются эмфатическими восклицаниями, обилием императивов и эффектным спондеем в самом начале, сразу выделяющим обращение к Богу Отцу (первая строфа):

Hoehr, Vater, hoehr di ungerechte Wort!
Beschau den Trutz, mit dem er dich wil trutzen!
Ach führe mich aus disem Natterort!
Wo Falschheit sich der Warheit gleich darf putzen!
Wo Eigenheit Uneigenheit genannt!
Di Lib entlibt! Aufrichtikeit verdrehet!
Wo List und Trug stat Einfalt blos bekand!
Und heisst ein Christ, der Christusart verschmähet!
Jehova, hilf! Jehova, steh mir bei!
Jehova, komm! Jehova, mach mich frei! [Ibid. S. 26–27]

(Услышь, Отец, услышь несправедливое слово! / Взгляни на упрямство, с которым он хочет Тебе противостоять! / Ах, выведи меня из этого змеиного места [гадюшника]! / Где лицемерие выдает себя за правду [считает себя чистым, как правда]! / Где собственничество [алчность] называется несобственничеством [бескорыстием]! / Любовь не любит! Искренность извращена! / Где только хитрость и обман вместо простоты! / И христианином именуется тот, кто пренебрегает христианством [Христом]! / *Иегова, помоги! Иегова, стой со мной! / Иегова, приди! Иегова, сделай меня свободным!*)

В начальных строках содержится парадокс: герой говорит о том, что его слово будет неприятно Богу, ведь он ставит под сомнение созданный Им мир и хочет его покинуть как можно скорее. Выделенные курсивом строки проходят как рефрен во всех строфах большого стихотворения. Используя именование *Jehova*, которое представляет собой заведомо неверное чтение Тетраграмматона (его огласовали так еврейские экзегеты, чтобы избежать возможного оскорбления священного Имени Божьего и нарушения заповедей: «Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно...» – *Исх 20:7*) и которое не используют в религиозных переводах, заменяя словом «Господь» (в немецком варианте *Herr*), Кульман подчеркивает свое личностное отношение к Богу, интимность своей просьбы, идущей из глубины души, хотя касается эта просьба не только горького опыта человеческого *Я*, ощущающего свою бесприютность в мире, но и самого мира, насквозь фальшивого, забывшего Бога и человечность. Картина мира, в котором извращено и превращено в собственную противоположность абсолютно

все, часто возникает в псалмах Кульмана, превращающихся в хлесткую, гневную сатиру. Поэт добивается особой афористичности стиля, играя однокоренными словами, которые с помощью префиксов превращаются в антонимы, как в приведенном выше примере: *Eigenheit* – *Uneigenheit*, *Lieb* [*Liebe*] – *entlibt* [*entliebt*]. Часто, как в последнем случае, это неологизмы, которые с трудом поддаются адекватному переводу.

В целом социальная критика очень сильна в псалмах Кульмана: он клеймит тиранию, корыстолюбие и алчность власть имущих и богачей, но главное – лицемерие неподлинного христианства, существующих официальных Церквей. Поэт вслед за Я. Бёме призывает строить подлинную Церковь в собственных душах. Это станет возможным, когда в душе родится Сын Божий и взойдет на трон Дух Божий. Тогда и возникнет – сначала внутреннее, а затем воплощенное вовне – «Царство Милосердия, Писания, Природы», т.е. единство законов Божьих, человеческих, естественно-природных, на которых и будут базироваться истинная Церковь Божья и истинное служение Богу, которое станет внутренней потребностью каждого. Так, «Псалом Кульмана 7 (37)» («Der 7. (37.) Kùhlpsalm»), имеющий характер развернутого мистического видения (не случайно в надзаголовке автор говорит о том, что он «бёмизировал» – *Böhmisirte* – у врат райского «розового сада») и соединяющий топику псалмов с топикой Песни песней, завершается призывом к духу человеческому, к каждому человеку:

Komm, Libster, komm! Las erst zur Kirchen gehn!
 Las opffern uns um Hülfsland wahres Beten!
 Di Kirche mus in uns gebauet stehn:
 Es ist in uns, darein wir eifrig treten.
 Das Reich der Gnaden, Schrifft, Natur,
 Das hat in uns di beste Spur.
 Gott Vater selbst gebährt in uns den Sohn:
 Drauf geht der Geist in uns aus Gottes Thron.
 Drum lasse uns di Gottes-Kirche bleiben;
 Lass Gottedinst hirinnen ewigst treiben.

[12. Bd. 1. S. 145–146]

(Приди, Возлюбленный, приди! Давай сначала пойдем в церковь! / Давай принесем истинную молитву за страну Спасения! / Церковь должна быть выстроена в нас: / Это в нас, куда мы ревностно вступаем. / Царство Милосердия, Писания, Природы [Естества], / Которое оставляет лучший след в нас. / Сам Бог Отец родит в нас Сына: / Так войдет Дух в нас с Божьего трона. / Поэтому давай в Божьей Церкви останемся, / Давай здесь, внутри, вечно нести Божью службу.)

Итак, истинное предназначение человека, согласно Кульману, – стать живым храмом Божьим, осуществлять служение Богу в храме своей души, но это не означает лишь пассивного противостояния злу, но предполагает активное, действенное добро, а для самого поэта и духовидца – еще и дей-

ствие словом проповедника, несение своего учения. В надзаголовках псалмов Кульмана отражаются вся история и география его миссионерских странствий, а в самих текстах – пламенное, экстатическое состояние его духа, находящегося в непрерывном напряжении сил, ощущающего глубинную связь с Богом и ведущего с Ним диалог:

Gottlob, der Flug *ist* dar von Ost und Mitternacht!
Der Pflug hat ausgepflugt!
Auf, Geist! Auf, jubeltön! Auf, Auf, Es ist volbracht!
Wohl, wohl, das ich umkriegt!
Auf, Geist in Gottes Geist! Auf, Geist, davidisir!
Hochjauchzte voller krafft
Mit aller Engelschafft!
Frohlokke! Jubelsing! Lobschalle! Triumfir!
Gottlob, was mich geschwärtz, wil ewigst mich auch weissen!
Ach heilger glantz mit Jesusglantz zugleissen!
(*Der 5. (50.) Kühlsalm*) [12. Bd. 1. S. 219]

(Хвала Богу, это полет с востока и полуночи! / Плуг вспахал! / Воспрянь, дух! Воспрянь, звучи ликованием! Воспрянь, воспрянь, это свершилось! / Благо, благо, которое я получил обратно! / Воспрянь, дух в Духе Божьем! Воспрянь, дух, давидизируй! / Ликуй во всю мощь / Со всеми сонмами ангелов! / Радостно влеки! Пой, ликуй! Звонко звучи хвалой! Торжествуй! / Хвала Богу, то, что меня чернит, будет вечно меня обелять! / Ах, святое сияние с сиянием Иисуса вместе струятся! 5-й (50-й) псалом Кульмана.)

Этот фрагмент из юбилейного, 50-го, псалма Кульмана прекрасно демонстрирует такие важные особенности стиля поэта, как герметичность и экстатичность, когда душа настолько растворяется в ликовании, что становятся вторичными рациональные смыслы и конвенциональный синтаксис. Обилие эмфатических восклицаний и необычных словоупотреблений, авторских неологизмов, соединение неравностопных строк различной длины, приближающее стих к верлибру, – все это делает Кульмана авангардистом своего времени, «модернистом до модернизма», особенно близким экспрессионизму. Архетекстом же для этого и многих других псалмов Кульмана, исполненных безудержного ликования, выступают те Псалмы, которые представляют собой хваления в чистом виде, открывающиеся знаменитым *Аллилуия!* (см. *Пс 110/109, 111/110, 112/111, 134/133, 145–149*), но особенно – псалом 150 и начало псалма 107/106: «Готово сердце мое, Боже; буду петь и воспевать во славе моей. // Воспрянь, псалтирь и гусли! Я встану рано. // Буду славить Тебя, Господи, между народами; буду воспевать Тебя среди племен» (*Пс 107/106:1–4; Синод. перевод*). Знаковое слово *davidisir!* («давидизируй!») указывает на осознанную преемственную связь с Давидом, на творчество в духе великого Псалмопевца.

Такого же ликования исполнен 1-й (61-й) псалом Кульмана, («Der 1. (61.) K hlpsalm»), провозглашающий единение и духовное возрождение в Иисусе всех народов и конфессий, слияние воедино всего человечества:

Jauchztz, V lker! Heiden, jauchztz! Jauchztz, Sprachen einger Sprach!
 Jauchztz, V ter! Br der, Jauchztz! Jauchztz, Kinder, nach und nach!
 Wir jauchzten hoch! Triumph! in Jesusziren!
 Ein freudgeschrei! Triumph! ist nur zusp ren!
 JEOVA bringt! Triumph! dis Triumphiren!
 Jauchztz jauchtzend jauchztz JehovaJesum, Gott den Herrn!
 TriumphfsTriumphfsTriumff JehovaJesen nah und fern! [12. Bd. 2. S. 9]

И вновь экстатическое состояние души влечет поэта к словотворчеству – к слиянию в одно слово трех, как *TriumphfsTriumphfsTriumff* («триумфтриумфатриумфа» – своеобразная тройная превосходная степень, образованная по библейскому образцу) или *JehovaJesum* (*ИеговаИисуса*). Так же необычно словоупотребление *Gott den Herrn* – «Бог Господа».

В предшествующем же 15-м (60-м) псалме Кульмана («Der 15. (60.) K hlpsalm»), завершающем четвертую книгу и первый том в целом, слово «торжество», или «триумф», становится генеральным лейтмотивом, повторяясь бесчисленное количество раз, выступая также в качестве анафоры:

Triumf! Gott hat allein! Triumf, Triumf! di ehr!
 Triumf! Gott thuts und sonst! Triumf, Triumf! nichts mehr!
 Triumf! Gott hat erh ht! Triumf, Triumf! elende!
 Triumf! Barmhertziglich! Triumf, Triumf! ohn Ende!
 Triumf! Gott gibt dem Sem! Triumf, Triumf! di h tt!
 Triumf! Ham hats genug! Triumf, Triumf! besessen!
 Triumf! O grosse lib! Triumf, Triumf! voll g tt!
 Triumf! des Nimrods wird! Triumf, Triumf! vergessen!
Triumf! O Haupttriumff! Triumf! zum Jesusspil!
Triumffs Triumffs-Triumff! Triumf! der ohne zil! [Ibid. Bd. 1. S. 308–309]

В финальной строфе перенасыщенность «триумфом» достигает апогея: ключевое слово повторяется сорок раз, и это сакральное число не случайно для Кульмана, тяготеющего к игре символическими числами, к библейской числовой эстетике, в которой «сорок» (дней или лет) означает срок исполнения Божьей воли – испытания или благодати:

Triumf, Triumf! *Mein Geist!* Triumf, Triumf! belob!
 Triumf, Triumf! den alls! Triumf, Triumf! erhob!
 Triumf, Triumf! den alls! Triumf, Triumf! erhebet!
 Triumf, Triumf! der alls! Triumf, Triumf! belebet!
 Triumf! Triumff der tiff! Triumf! Triumff der h h!
 Triumf! Triumff im Pol! Triumf! Triumff auf Erden!

Triumf! Triumff im grund! Triumf! Triumff der See!
Triumf! Triumff dem War! Triumf! Triumff dem werden!
Triumffs Triumffs Triumff! Triumf! zum Jesusspil!
Triumffs Triumffs Triumff! Triumf! der ohne zil! [12. Bd. 1. S. 309]

Душа поэта растворяется в бурной динамике чувств и провозглашает «триумф! который без цели» (*Triumf! der ohne zil*), т. е. торжество в чистом виде, из чистой любви к Богу. Показательно, что в это триумфирование Кульман включает не только всех знаменитых позитивных героев Библии (в том числе, разумеется, и Псалмопевца Давида), но также и великих духовидцев недавнего прошлого (например, немецкого мистика Иоганна Таулера) и настоящего (своего возлюбленного Бёме). Таким образом, поэт осознанно и настойчиво связывает в своих псалмах библейскую древность и современность, проводит скрытые параллели между собой и Давидом.

В отдельном «финале финала» последнего псалма, завершающего «Псалтирь Кульмана», поэт обращается ко всем семидесяти народам, образовавшимся, согласно Библии, после крушения Вавилонской башни и перечисленным в «таблице народов» (*Быт 10*), с призывом низложить своих царей и королей и признать Единого подлинного Царя – Бога Иисуса («2. Des 117. Kühlpsalmes Hauptschluß des Hauptschlusses», 1685)

Kommt, Sibzig, kommt! Kommt auf *das Babel* zu!
Di grosse Stund zum Abendmahl ist kommen!
Fall, *Österreich*, mit deinen zehn Gestalten!
Gott gibet *meinem zehn* auf ewig *Cäsars Sonn!*
Fall, *Türkscher Mond!* Fall, *ider Stern!*
Gott gibt mir euch zum ewigem besitze!
Fresst, *Sibzig Völker*, fressst nun *eure Könige!*
Gott gibt euch alle mir zum Jesu Kühlmannsthume!
Ost, West, Nord, Sud ist mein zwölfte Reich!
Auf, Kaiser, Könige! Gebt her Kron, Hutt und Zepter! [Ibid. Bd. 2. S. 325]

После выхода своей «Псалтири» Кульман создал еще «Дополнения», или «Восполнения пропусков», к своей «Псалтири» (*Paralipomena zum Kühlpsalter*), так что его авторских псалмов оказывается ровно 150. Однако, как очевидно, это не переложение Псалтири в обычном смысле слова, но дерзкое творческое соревнование с ней, «давидизирование», сопровождающееся введением современного Кульману материала в его псалмы, изложением его концепции иезуэлитской религии, бурной динамизацией первоисточника-архетекста, столь же бурным словотворчеством и новаторскими ритмическими поисками. Связь с архетекстом задается паратекстуально и сохраняется на уровне генеральных духовных смыслов; библейская интертекстуальность присутствует в текстах Кульмана на уровне знаковых библейских онимов, эпонимов, топонимов и слов-лейтмотивов, преимущественно восходящих к псалмам. Однако в отдельных псалмах, где поэт говорит о своих личных страданиях, из глубины этих страданий

обращается к Богу, он добивается поразительной искренности интонации и максимально приближается к духу библейских псалмов, в которых Бог «становится поверенным человеческих страданий и надежд» (С.С. Аверинцев). Таков, например, 4-й (64-й) псалом Кульмана («Der 4. (64.) Kùhlpsalm»), начинающийся на ноте предельной боли («Из глубочайшей беды кричи, измученное сердце!»), призывающий Бога на помощь и задающий вечный вопрос: «Что есть человек?» (*Пс* 8:5), но с существенным горьколичностным и одновременно остросоциальным добавлением: «...человек, который вечно тесним [угнетаемый]?» («Was ist der Mensch, der ewigst wird gepresst?»):

Aus tiffster Noth schrei abgemergelt Hertz!
 Las mich noch einst di matte hand aufheben!
 Es harnischt mich und pantzert recht der schmerz!
 Di zunge klebt! Angst hat mich rings umgeben!
 Mein Gott, mein Gott! Du zentnerst stete last!
 Höhr auf, höhr auf, eh ich bin gantz verdrückket.
 Gib endlich, gib um Jesu Kreutz mir rast!
 Wi lange sol dein Werk sein gantz entschmückket?
 Was ist der Mensch, der ewigst wird gepresst?
 Halt innen, halt, eh Geist und Seel ausblässt. [12. Bd. 2. S. 19]

«Псалтирь Кульмана» остается беспрецедентным явлением поэзии XVII в., к которому не угасает интерес читателей и исследователей. Смелостью или даже дерзостью художественного языка Кульман предвосхитил поиски европейского модернизма (прежде всего немецкого экспрессионизма) и постмодернизма. Не случайно известный немецкий поэт, классик постмодернизма Ганс Магнус Энценсбергер называет К. Кульмана в числе предтеч «эстетической комбинаторики», свойственной постмодернистской поэтике [46].

Прекрасным подтверждением новаторских поисков Кульмана является его знаменитое стихотворение «Чередование человеческих забот [мук]» («Der Wechsel menschlicher Plagen»), построенное на длинных цепях перечислений явлений действительности, человеческих состояний, феноменов духа, человеческих мук, словно бы поэт задался целью (возможно, и действительно задался) перечислить атрибуты нашей противоречивой, поражающей контрастами цивилизации:

Auf Nacht, Dunst, Schlacht, Frost, Wind, See, Hitz,
 Süd, Ost, West, Nord, Sonn, Feur und Plagen.
 Folgt Tag, Glanz, Blut, Schnee, Still, Land, Blitz,
 Wärm, Hitz, Lust, Kält, Licht, Brand und Not:
 Auf Leid, Pein, Schmach, Angst, Krieg, Ach, Kreuz,
 Streit, Hohn, Schmerz, Qual, Tück, Schimpf als Spott
 Will Freud, Zier, Ehr, Trost, Sieg, Rat, Nutz,
 Fried, Lohn, Scherz, Ruh, Glück, Glimpf stets tagen.

Der Mond, Gunst, Rauch, Gems, Fisch, Gold, Perl,
Baum, Flamm, Storch, Frosch, Lamm, Ochs und Magen
Liebt Schein, Stroh, Dampf, Berg, Flut, Glut, Schaum,
Frucht, Asch, Dach, Teich, Feld, Wies und Brot:
Der Schütz, Mensch, Fleiß, Müh, Kunst, Spiel, Schiff,
Mund, Prinz, Rach, Sorg, Geiz, Treu und Gott
Sucht's Ziel, Schlaf, Preis, Lob, Gunst, Zank, Port,
Kuß, Thron, Mord, Sarg, Geld, Hold, Danksagen.
Was gut, stark, schwer, recht, lang, groß, weiß,
Eins, ja, Luft, Feuer, hoch, weit genennt,
Pfleget böß, schwach, leicht, krumm, breit, klein, schwarz,
Drei, neun, Erd, Flut, tief, nah zu meiden.
Auch Mut, Lieb, Klug, Witz, Geist, Seel, Freund,
Lust, Zier, Ruhm, Fried, Scherz, Lob muß scheiden,
Wo Furcht, Haß, Trug, Wein, Fleisch, Leib, Feind,
Weh, Schmach, Angst, Streit, Schmerz, Hohn schon rennt.
Alles wechselt, alles liebt,
Alles scheint was zu hassen:
Wer aus diesem nach wird denken,
Muß der Menschen Weisheit fassen. [47]

В результате в стихотворении Кульмана возникают сложная картина духовной и душевной жизни человека и картина мира – не столько внешнего, сколько внутреннего его состояния – мира, в котором одна забота сменяется другой, одно страдание – другим, но в котором есть место любви и надежде и есть надежда, что ненависть будет побеждена любовью. Финальные четыре строки звучат как выстраданный философский тезис: «Все чередуется [меняется], все любит, / Все, кажется, ненавидит: / Кто исходя из этого будет мыслить, / Сможет мудрость людскую постичь». Картина мира и человеческой души в представлении Кульмана поражает именно своей неоднозначностью, типично барочной плюралистичностью, противоборством и соединением контрастов. В плане синтаксической и ритмической организации стихотворение отмечено новациями: нанизывание перечислений, асиндетоны, в которых задействовано до тринадцати кратких односложных слов и столько же ударений, следующих друг за другом и как нельзя лучше передающих невероятную тяжесть бытия; соединение элементов силлаботоники и свободного стиха (верлибра). Попытки передать этот текст на русском языке предприняли Л. Гинзбург и В. Летучий, который перевел еще несколько стихотворений немецкого мистика. Один из «Небесных поцелуев любви» перевел на русский язык Д. Щедровицкий. В целом же поэзия великого мистика эпохи барокко еще ждет своего открытия в русской культуре.

Таким образом, можно утверждать, что для творчества выдающегося немецкого мыслителя-мистика и поэта Квиринуса Кульмана «осевым» архетекстом является библейская Книга псалмов, в которой ярко репрезентирован диалог между человеком и Богом, между Я и Вечным Ты. Именно

этот аспект был самым важным для мироощущения мистика-визионера, душа которого жила в предельном напряжении сил, в ощущении постоянной связи с Богом. Прежде всего архитекстуальная роль Книги псалмов выявляется в главном поэтическом сборнике Кульмана, его авторской Псалтири – *Kühlpсалтер*, содержащей, как и библейская книга, 150 лирических стихотворений – религиозно-философских гимнов. Генеральные мотивы авторской «Псалтири Кульмана» во многом сходны с мотивами библейских псалмов: призывы о помощи, просьбы укрепить дух, искреннее покаяние и уверенность в постоянной заботе Бога о человеке, Его кровной заинтересованности в нем, близости ему, несмотря на собственную неисповедимость и трансцендентность, искренняя любовь к Богу и восхищение Его мощью, экстатическое восхождение человеческого духа к Богу. Именно экстатическое начало и стремление передать в слове *unio mystica* – мистическое единение души с Богом (Иисусом) оказывается важнейшим для Кульмана, как и мессианско-эсхатологические мотивы, поэтому в качестве архитекста для него важна вся Библия, но в особенности, помимо Псалтири, пророческие книги, Песнь песней и Евангелия. В отличие от других немецких поэтов XVII в., обращавшихся к парафразам псалмов (М. Опица, П. Флеминга, А. Грифиуса и др.), Кульман создает не переложение Псалтири, но пересоздает ее, подчиняя выражение как своего мистического мировоззрения, так и своих социально-политических взглядов, своей концепции иезуэлизма (от *Иезуэль* ‘Бог Иисус’), основанной на своеобразном экуменизме. Текст Книги псалмов выступает как важнейший источник интертекстуальности в псалмах Кульмана: он включается в его тексты в виде собственно интертекста (цитат, аллюзий, реминисценций), паратекста, архитекста, определяя жанровые особенности его произведений. При этом Книга псалмов становится для немецкого поэта своего рода «матрицей», «текстом-кодом», архетипическим текстом, т.е. архитекстом, на который он опирается как на великий образец и одновременно дерзко соревнуется с ним, «давидизирует», т.е. творит, в экстатическом состоянии входя в образ Давида Псалмопевца. Диалог с Книгой псалмов ведет не только к использованию ее устойчивых топосов и концептов, ее ритмических структур, но и к поэтическому эксперименту: Кульман прибегает к активному словотворчеству, часто разрушает конвенциональный синтаксис, добываясь выражения экстаза, прокладывает дорогу свободным ритмам (верлибру). Поэтические эксперименты Кульмана оказались важными для позднего барокко, для поэтов пиетизма и Ф.Г. Клопштока, поэтов эпохи модернизма (особенно экспрессионизма) и постмодернизма.

Литература

1. *Аверинцев С.С.* Древнееврейская литература // История всемирной литературы : в 9 т. / редкол.: Г.П. Бердников (отв. ред.), Ю.Б. Виппер (зам. гл. ред.) [и др.]. М., 1983. Т. 1. С. 271–302.
2. *Аверинцев С.С.* Истоки и развитие раннехристианской литературы // История всемирной литературы : в 9 т. / редкол.: Г.П. Бердников (отв. ред.), Ю.Б. Виппер (зам. гл. ред.) [и др.]. М., 1983. Т. 1. С. 501–515.

3. Фрай Н. Предисловие к книге «Великий код. Библия и литература» / пер. с англ. // Вопросы литературы. 1991. № 9/10. С. 176–187.
4. Мень А. Библия и литература: лекции / подгот. текста Т. Алкснитис / ред. текста М. Насонова. М. : Фонд имени А. Мень, 2002. 339 с.
5. *Das Buch* in den Büchern: Wechselwirkungen von Bibel und Literatur / hrsg. von A. Polaschegg, D. Weidner. München : W. Fink Verl., 2012. 397 S.
6. Robertson R. Literature, the Bible as // Interpreter's Dictionary of the Bible. Suppl. Vol. / eds. K. Crim, V. P. Furnish, L. R. Bailey Sr. N. Y. : Abingdon Press, 1976. P. 547–551.
7. Женетт Ж. Палимпсесты: литература во второй степени. М.: Науч. мир, 1989. 467 с.
8. Синило Г.В. Библия как “осевой” архетекст европейской литературы (на примере немецкой лирической поэзии) // Журнал Белорус. гос. ун-та. Филология. 2017. № 3. С. 19–29.
9. Аверинцев С.С. Арфа царя Давида: У истоков древнейшей лирической традиции // Иностранная литература. 1988. № 6. С. 189–195.
10. Синило Г.В. Поэтика Книги Хвалений и мировая лирическая поэзия // Скрижали. Сер. «Ветхозаветные исследования». Вып. 11 / сост. и гл. ред. архимандрит Сергей (Акимов). Минск, 2016. С. 6–66.
11. Kuhlmann Q. Himmlische Libes-Küsse / hrsg. von B. Biehl-Werner. Tübingen : Niemeyer, 1971. XVI + 71 + 26 S.
12. Kuhlmann Q. Kùhlpsalter : in 2 Bd. / hrsg. von R. L. Beare. Tübingen : Niemeyer, 1971. Bd. 1. 360 S.; Bd. 2. 409 S. (2. Aufl. – 2013). URL: <http://www.zeno.org/Literatur/M/Kuhlmann,+Quirinus/Gedichte/Der+Kùhlpsalter> (дата обращения: 15.12.2016).
13. Kuhlmann Q. Der Neubegeisterte Böhme : in 2 Bd. / hrsg. von. J. P. Clark. Stuttgart : Hiersemann, 1995. Bd. 1. LII + 218 S.; Bd. 2. VI + 232 S.
14. Eschrich K. Studien zur geistlichen Lyrik Quirinus Kuhlmanns : Diss. / Universität Greifswald. Greifswald, 1929.
15. Flechsig R. Quirinus Kuhlmann und sein Kùhlpsalter : Diss. / Rheinische Friedrich-Wilhelm-Universität Bonn. Bonn, 1952.
16. Erk H. Offenbarung und heilige Sprache in Kùhlpsalter Quirinus Kulmanns : Diss. / Georg-August-Universität zu Göttingen. Göttingen, 1953.
17. Müssle H. Quirinus Kuhlmann: Trinität als Existenz : Diss. / Ludwig-Maximilians-Universität München. München, 1953.
18. Kabisch E.M. Untersuchungen zur Sprache des „Kùhlpsalters“ : diss. / Humboldt-Universität zu Berlin. Berlin, 1970.
19. Neuendorf K. K.E. Das lyrische Werk Quirinus Kuhlmanns: Interpretationen zu seiner rhetorischen Struktur : PhD Diss. / Rice University. Houston (Texas), 1970.
20. Biehl-Werner B. “Himmlische Libes-küsse” (1671): Untersuchungen zu Sprache und Bildlichkeit im Jugendwerk Quirin Kuhlmanns : diss. / Universität Hamburg. Hamburg, 1973. 278 S.
21. Clark J. P. Immediacy and Experience: Institutional change and Spiritual Expression in the Works of Quirinus Kuhlmann : PhD diss. / The University of California. Berkeley, 1986.
22. Schmittem R. Die Rhetorik des Kùhlpsalters von Quirinus Kuhlmann. Dichtung im Kontext biblischer und hermetischer Schreibweisen : diss. / Universität zu Köln. Köln, 2004. 282 S.
23. Kuzmin E. Alchemical Imagery in the Works of Quirinus Kuhlmann (1651–1689) : PhD Diss. / Hebrew University at Jerusalem. Jerusalem, 2009. 520 p.
24. Böck C. V. Quirinus Kuhlmann als Dichter: ein Beitrag zur Charakteristik des Ekstatis. Bern : Francke, 1957. 133 s.
25. Dietze W. Quirinus Kuhlmann, Ketzer und Poet: Versuch einer monographischen Darstellung von Leben und Werk. Berlin : Rütten & Loening, 1963. 627 S.

26. Köpf G. Der Kühlmonarch: Eine Selberlenenbeschreibung. Austin (Texas) : Dimension, 1995. 110 p.
27. Kuzmin E. Alchemical Imagery in the Works of Quirinus Kuhlmann (1651–1689). Wilsonville (Oregon) : Sirius Academic Press, 2013. 464 p.
28. Althaus T. Einklang und Liebe. Die spracherotische perspective des Glaubens im geistlichen Sonett bei Catharina Regina von Greiffenberg und Quirinus Kuhlmann // Religion und Religiosität im Zeitalter des Barock / hrsg. von D. Breuer. Wiesbaden : Harrassowitz, 1995. Bd. 2. S. 779–788.
29. Beare R.L. Quirinus Kuhlmann: Ein bibliographischer Versuch // La nouvelle Clio. 1954. № 6. P. 164–182.
30. Beare R.L. Quirinus Kuhlmann: The Religious Apprenticeship // PMLA. 1953. № 4. P. 829–862.
31. Beare R.L. Quirinus Kuhlmann: Wehre and When? // Modern Language Notes. 1962. № 4. P. 379–397.
32. Böck C.V. Extatisches Dichtertum. Die Geistreise Quirinus Kuhlmanns // Castrum Peregrini. 1956. № 29. S. 26–47. (Repr.: Antaios. 1969. № 2. S. 42–60.)
33. Clark J.P. From Imitation to Invention: Three Newly Discovered Poems by Quirinus Kuhlmann // Wolfenbütteler Barock-Nachrichten. 1987. № 14. S. 113–129.
34. Clark J.P. “In der Hoffnung der besseren Zeiten”: Philipp Jakob Spener’s Reception of Quirinus Kuhlmann // Pietismus und Neuzeit. 1986. № 12. S. 54–69.
35. Dietze W. Quirinus Kuhlmanns letztes Wirken in Rusland // Sinn und Form. 1962. № 14. S. 10–71.
36. Forster L.W. Quirinus Kuhlmann in Moscow 1689: An Unnoticed Account // Germano-Slavica. 1978. № 5. P. 317–323.
37. Rusterholz S. Klarlichte Dunkelheiten. Quirinus Kuhlmanns 62. Kuhlpsalm // Deutsche Barocklyrik: Gedichtinterpretationen von Spee bis Haller / hrsg. von M. Bicher und A.M. Haas. Bern ; München : Francke, 1973. S. 225–264.
38. Schmidt-Biggemann W. Erlösung durch Philologie. Der poetische Messianismus Quirinus Kuhlmanns // Der Magus: Seine Ursprünge und seine Geschichte in verschiedenen Kulturen / hrsg. von A. Grafton und M. Idel. Berlin : Akademie-Verlag, 2001. S. 107–146.
39. Vortriede W. Quirinus Kuhlmanns “Kühlpsalter” // Antaios. 1965–1966. № 7. S. 501–527.
40. Wiedemann C. Engel, Geist und Feuer: Zum Dichterselbstverständnis bei J. Klaj, C. R. von Greiffenberg und Q. Kuhlmann // Literatur und Geistesgeschichte: Festgabe für Heinz Otto Burger / hrsg. von R. Grimm und C. Wiedemann. Berlin : Erich Schmidt, 1968. S. 85–109.
41. Тихоурауов Н.С. Квириу Кульман // Руcский вестник. 1867. № 11. С. 183–222; № 12. С. 560–594. (Перепечатано: Тихоурауов Н.С. Сочинения. М., 1898. Т. 2. С. 305–375.)
42. Tichonrawow N.S. Quirinus Kuhlmann (verbrannt in Moskau den 4. October 1689): Eine kulturhistorische Studie. Riga : N. Kummel’s Buchhandlung, 1873.
43. Панченко А.М. Квириу Кульман и «чешские братья» // Труды Отдела древнерусской литературы / ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР; под ред. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. М. ; Л., 1963. Т. 19 : Руcская литература XI–XVII веков среди славянских литератур. С. 330–347.
44. Пуришев Б.И. Неуецкая литература // История всемирной литературы : в 9 т. М., 1987. Т. 4. С. 235–265.
45. Неуецкая поэзия XVII века / пер., сост., предисл. и примеч. Л. Гинзбурга. М. : Худож. лит., 1976. 208 с.
46. Enzensberger H.M. Einladung zu einem Poesie-Automaten. URL: <http://jacket-magazine.com/17/enz-robot.html> (accessed: 12.10.2016).
47. Kuhlmann Q. Der Wechsel menschlicher Plagen. URL: <http://gutenberg.spiegel.de/buch/verschiedene-gedichte-4559/22> (accessed: 15.11.2016).

The Book of Psalms as the Archetext of Quirinus Kuhlmann's Poetry

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 60. 195–219. DOI: 10.17223/19986645/60/13

Galina V. Sinilo, Belarusian State University (Minsk, Belarus). E-mail: sinilo@mail.ru

Keywords: Bible, archetext, “text-code”, *Book of Psalms*, 17th-century German mystical poetry, Baroque, Quirinus Kuhlmann, archetextuality, intertextuality, archetext, paraphrase of Psalms (genre), poetic experiment.

This research article aims to establish the specifics of intertextual connections between the Baroque works of the German poet, mystic and visionary Quirinus Kuhlmann (1651–89) and the biblical *Book of Psalms*. The philosophy of dialogue (M. Buber), the concept of dialogue of cultures (M. Bakhtin and V. Bibler), especially the “dialogue of texts”, as well as the theory of intertextuality (J. Kristeva, R. Barthes, G. Genette) provide the theoretical and philosophical basis for the research. The author uses cultural and historical, biographical, comparative, hermeneutic methods and holistic analysis to analyze the poetics of *The Book of Psalms* and of Kuhlmann's works. She shows that for Kuhlmann *The Book of Psalms* is an “axial” archetext, or a primary meaning- and text-generating text. This biblical book vividly represents the dialogue between man and God, between *I* and the Eternal *Thou*. This very aspect was the most important for Kuhlmann's perception of the world. First of all, the archetextual role of *The Book of Psalms* is manifested in Kuhlmann's chief poetic collection, his own Psalter – *Der Kuhlpsalter* – which contains 150 religious-philosophical hymns. The general motifs of *Der Kuhlpsalter* have much in common with the Biblical Psalms' motifs: appeals for help and for growing in fortitude, sincere repentance and confidence in God's constant concern and love for man and His kinship with humans despite His inscrutability and transcendence, sincere love for God and admiration for His might, ecstatic ascent of human spirit to God. It is the ecstatic principle and aspiration to render verbally *unio mystica* – a mystical union of soul and God (Jesus) – that are the most important for Kuhlmann, together with messianic and eschatological motifs. That is why the whole Bible as an archetext is important for him, especially the prophetic books, *The Song of Songs* and the Gospels in addition to *The Psalter*. Unlike other German poets of the 17th century who paraphrased the Psalms (M. Opitz, P. Fleming, A. Gryphius and others), Kuhlmann does not paraphrase *The Psalter* but recreates it according to his religious-mystic and sociopolitical views, the concept of *Jesuelism* based on peculiar ecumenism. The text of the Psalms in Kuhlmann's oeuvres is used as their intertext, paratext and archetext, but the whole *Book of Psalms* plays the role of a “text-code”, “text-pattern”, i. e. the archetext upon which the poet bases his works. At the same time, Kuhlmann dares to treat it as his own rival: he *dauidisiert*, that is, in the process of creation he turns ecstatic and thus acts as if he were David the Psalmist himself. The dialogue with *The Book of Psalms* leads not only to the use of its stable topoi, concepts and rhythmic structures, but also results in a poetic experiment: Kuhlmann actively creates new words and word forms, he often destroys conventional syntax and paves the way for *vers libre*. Kuhlmann's poetic experiments influenced the late Baroque, the poetry of Pietism and the pioneering works of F. G. Klopstock, numerous poets of Modernism (especially Expressionism) and Postmodernism.

References

1. Averintsev, S.S. (1983) Drevneevreyskaya literatura [Ancient Hebrew Literature]. In: Berdnikov, G.P. et al. (eds) *Istoriya vsemirnoy literatury* [History of World Literature]. Vol. 1. Moscow: Nauka. pp. 271–302.
2. Averintsev, S.S. (1983) Istoki i razvitie rannekhristsianskoy literatury [The Beginnings and Development of Early Christian Literature]. In: Berdnikov, G.P. et al. (eds) *Istoriya vsemirnoy literatury* [History of World Literature]. Vol. 1. Moscow: Nauka. pp. 501–515.

3. Frye, N. (1991) Predislovie k knige “Velikiy kod. Bibliya i literatura” [Foreword to the Book “The Great Code: The Bible and Literature”]. Translated from English. *Voprosy literatury*. 9/10. pp. 176–187.
4. Men’, A. (2002) *Bibliya i literatura: lektzii* [The Bible and Literature: Lectures]. Moscow: Fond imeni A. Menya.
5. Polaschegg, A. & Weidner, D. (eds) (2012) *Das Buch in den Büchern: Wechselwirkungen von Bibel und Literatur*. München: W. Fink Verl.
6. Robertson, R. (1976) Literature, the Bible as. In: Crim, K. et al. (eds) *Interpreter’s Dictionary of the Bible*. Suppl. Vol. New York: Abingdon Press. pp. 547–551.
7. Genette, G. (1989) *Palimpsest: literatura vo vtoroy stepeni* [Palimpsests: Literature in the Second Degree]. Translated from French. Moscow: Nauch. mir.
8. Sinilo, G.V. (2017) The Bible as the “Axial” Archetext of European Literature (by the Example of German Lyric Poetry). *Zhurnal Belorus. gos. un-ta. Filologiya – Journal of the Belarusian State University. Philology*. 3. pp. 19–29. (In Russian).
9. Averintsev, S.S. (1988) Arfa tsarya Davida: U istokov drevneyshey liricheskoy traditsii [King David’s Harp: the Origins of the Most Ancient Lyrical Tradition]. *Inostrannaya literatura*. 6. pp. 189–195.
10. Sinilo, G.V. (2016) Poetika Knigi Khvaleniy i mirovaya liricheskaya poeziya [The Book of Psalms Poetic and World Lyric Poetry]. *Skrizhali. Vekhozavetnye issledovaniya*. 11. pp. 6–66.
11. Kuhlmann, Q. (1971) *Himmlische Libes-Küsse*. Tübingen: Niemeyer.
12. Kuhlmann, Q. (1971) *Kühlpsalter*. Bd. 1–2. Tübingen: Niemeyer. [Online] Available from: <http://www.zeno.org/Literatur/M/Kuhlmann,+Quirinus/Gedichte/Der+Kühlpsalter>. (Accessed: 15.12.2016).
13. Kuhlmann, Q. (1995) *Der Neubegeisterte Böhme*. Bd. 1–2. Stuttgart: Hiersemann.
14. Eschrich, K. (1929) *Studien zur geistlichen Lyrik Quirinus Kuhlmanns*. Diss. Greifswald.
15. Flehsig, R. (1952) *Quirinus Kuhlmann und sein Kühlpsalter*. Diss. Bonn.
16. Erk, H. (1953) *Offenbarung und heilige Sprache in Kühlpsalter Quirinus Kuhlmanns*. Diss. Göttingen.
17. Müßle, H. (1953) *Quirinus Kuhlmann: Trinität als Existenz*. Diss. München.
18. Kabisch, E.M. (1970) *Untersuchungen zur Sprache des “Kühlpsalters”*. Diss. Berlin.
19. Neuendorf, K.K.E. (1970) *Das lyrische Werk Quirinus Kuhlmanns: Interpretationen zu seiner rhetorischen Struktur*. PhD Diss. Houston, Texas.
20. Biehl-Werner, B. (1973) *“Himmlische Libes-küsse” (1671): Untersuchungen zu Sprache und Bildlichkeit im Jugendwerk Quirin Kuhlmanns*. Diss. Hamburg.
21. Clark, J.P. (1986) *Immediacy and Experience: Institutional change and Spiritual Expression in the Works of Quirinus Kuhlmann*. PhD Diss. Berkeley, California.
22. Schmittem, R. (2004) *Die Rhetorik des Kühlpsalters von Quirinus Kuhlmann. Dichtung im Kontext biblischer und hermetischer Schreibweisen*. Diss. Köln.
23. Kuzmin, E. (2009) *Alchemical Imagery in the Works of Quirinus Kuhlmann (1651–1689)*. PhD Diss. Jerusalem.
24. Böck, C.V. (1957) *Quirinus Kuhlmann als Dichter: ein Beitrag zur Charakteristik des Ekstatikers*. Bern: Francke.
25. Dietze, W. (1963) *Quirinus Kuhlmann, Ketzer und Poet: Versuch einer monographischen Darstellung von Leben und Werk*. Berlin: Rütten & Loening.
26. Köpf, G. (1995) *Der Kühlmonarch: Eine Selberlenenbeschreibung*. Austin, Texas: Dimension.
27. Kuzmin, E. (2013) *Alchemical Imagery in the Works of Quirinus Kuhlmann (1651–1689)*. Wilsonville, Oregon: Sirius Academic Press.
28. Althaus, T. (1995) Einklang und Liebe. Die spracherotische perspective des Glaubens im geistlichen Sonett bei Catharina Regina von Greiffenberg und Quirinus Kuhlmann. In: Breuer, D. (ed.) *Religion und Religiosität im Zeitalter des Barock*. Bd. 2. Wiesbaden: Harrassowitz. pp. 779–788.

29. Beare, R.L. (1954) Quirinus Kuhlmann: Ein bibliographischer Versuch. *La nouvelle Clio*. 6. pp. 164–182.
30. Beare, R.L. (1953) Quirinus Kuhlmann: The Religious Apprenticeship. *PMLA*. 4. pp. 829–862.
31. Beare, R.L. (1962) Quirinus Kuhlmann: Wehre and When? *Modern Language Notes*. 4. pp. 379–397.
32. Böck, C.V. (1956) Extatisches Dichtertum. Die Geistreise Quirinus Kuhlmanns. *Castrum Peregrini*. 29. pp. 26–47.
33. Clark, J.P. (1987) From Imitation to Invention: Three Newly Discovered Poems by Quirinus Kuhlmann. *Wolfenbütteler Barock-Nachrichten*. 14. pp. 113–129.
34. Clark, J.P. (1986) “In der Hoffnung der besseren Zeiten”: Philipp Jakob Spener’s Reception of Quirinus Kuhlmann. *Pietismus und Neuzeit*. 12. pp. 54–69.
35. Dietze, W. (1962) Quirinus Kuhlmanns letztes Wirken in Rußland. *Sinn und Form*. 14. pp. 10–71.
36. Forster, L.W. (1978) Quirinus Kuhlmann in Moscow 1689: An Unnoticed Account. *Germano-Slavica*. 5. pp. 317–323.
37. Rusterholz, S. (1973) Klarlichte Dunkelheiten. Quirinus Kuhlmanns 62. Kühlepsalm. In: Haas, A.M. & Bicher, M. (eds) *Deutsche Barocklyrik: Gedichtinterpretationen von Spee bis Haller*. Bern; München: Francke. pp. 225–264.
38. Schmidt-Biggemann, W. (2001) Erlösung durch Philologie. Der poetische Messianismus Quirinus Kuhlmanns. In: Idel, M. & Grafton, A. (eds) *Der Magus: Seine Ursprünge und seine Geschichte in verschiedenen Kulturen*. Berlin: Akademieverlag. pp. 107–146.
39. Vortriede, W. (1965–1966) Quirinus Kuhlmanns “Kühlepsalter”. *Antaios*. 7. pp. 501–527.
40. Wiedemann, C. (1968) Engel, Geist und Feuer: Zum Dichterselbstverständnis bei J. Klaj, C. R. von Greiffenberg und Q. Kuhlmann. In: Wiedemann, C. & Grimm, R. (eds) *Literatur und Geistesgeschichte: Festgabe für Heinz Otto Burger*. Berlin: Erich Schmidt. pp. 85–109.
41. Tikhonravov, N.S. (1867) Kvirin Kul’man [Quirinus Kuhlmann]. *Russkiy vestnik*. 11. pp. 183–222; 12. pp. 560–594.
42. Tichonrawow, N.S. (1873) *Quirinus Kuhlmann (verbrannt in Moskau den 4. October 1689): Eine kulturhistorische Studie*. Riga: N. Kymmel’s Buchhandlung.
43. Panchenko, A.M. (1963) Kvirin Kul’man i “cheshskie brat’ya” [Quirinus Kuhlmann and the Bohemian Brethren]. In: Dmitriev, L.A. & Likhachev, D.S. (eds) *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury. IRLI (Pushkinskiy Dom)* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature. IRLI (the Pushkin House)]. Vol. 19. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 330–347.
44. Purishev, B.I. (1987) Nemetskaya literatura [German Literature]. In: Berdnikov, G.P. et al. (eds) *Istoriya vsemirnoy literatury* [History of World Literature]. Vol. 4. Moscow: Nauka. pp. 235–265.
45. Ginzburg, L. (ed.) (1976) *Nemetskaya poeziya XVII veka* [German Poetry of 17th Century]. Translated from German. Moscow: Khudozh. lit.
46. Enzensberger, H.M. (2002) *Einladung zu einem Poesie-Automaten* [Online] Available from: <http://jacketmagazine.com/17/enz-robot.html>. (Accessed: 12.10.2016).
47. Kuhlmann, Q. (n.d.) *Der Wechsel menschlicher Plagen*. [Online] Available from: <http://gutenberg.spiegel.de/buch/verschiedene-gedichte-4559/22>. (Accessed: 15.11.2016).